

Цинь Инун слегка опустила голову, наклонилась к уху Тан Жояо, полуоткрыла губы и неопределенно коснулась мочки её уха.

Тан Жояо уже давно не занималась с ней чем-то интимным, и на мгновение её мысленное воображение затмило ход реальности, и остановить его было невозможно. Прежде чем Цинь Инун успела что-либо сделать, она подняла руки и крепко обняла себя за плечи, тихонько напевая.

Цинь Инун была ошеломлена.

С угла, который Тан Жояо не могла видеть, глаза Цинь Инун были более нежными, а её голос был таким же легкомысленным и двусмысленным, как обычно:

— Так скучаешь по мне?

Шея и лицо Тан Жояо покраснели, она была так смущена, что молчала и молчала.

— Говори, - Прошептала ей на ухо Цинь Инун.

— ...

— Как я могу знать, чего ты хочешь, если ты ничего не говоришь? - Цинь Инун притворилась грустной.

Она превосходная актриса, и даже если вы не видите её лица, её голоса достаточно, чтобы выразить самые грустные эмоции, которые более реальны, чем сама реальность.

— Сестра... - Застенчиво пробормотала Тан Жояо, уткнувшись горячими щеками в её шею, заменяя невысказанные слова практическими действиями.

— Хочешь меня? - Тихонько усмехнулась Цинь Инун, не собираясь так просто её отпустить.

Лицо Тан Жояо покраснело, а руки невольно сжались в кулаки.

— Ты причинила мне боль, - Голос Цинь Инун был чарующим и жалостливым.

Тан Жояо тут же разжала кулак, но в следующую секунду поняла, что она вообще не поймала Цинь Инун.

— Пфф, - Цинь Инун не смогла сдержать смеха, и в тот же миг раздался радостный смех.

Ей снова стало смешно.

Тан Жояо: ...

Тан Жояо подняла голову и посмотрела на выражение лица Цинь Инун. Она подумал, что она в хорошем настроении, поэтому смело посмотрела на неё.

Цинь Инун на самом деле не злилась. Она ущипнула её за подбородок белыми кончиками пальцев. Это было приятно. Она не могла отпустить и ущипнула его ещё несколько раз. Её глаза были полны улыбок.

— Почему ты такая смешная? А?

Тан Жояо спокойно ответила:

— Сестра хорошо меня научила.

Цинь Инун вздохнула и сказала:

— Не вини меня. Я не учила тебя быть глупой.

— Я веду себя глупо только перед тобой, – Тан Жояо проверяла её какими-то скрытыми мыслями.

Она не мигая смотрела в глаза Цинь Инун, пытаясь уловить в них различные эмоциональные колебания. Цинь Инун посмотрела на неё с улыбкой и весельем в глазах, но не с тем, чего хотела Тан Жояо.

Глаза Тан Жояо потускнели.

Цинь Инун заметила её едва заметную трансформацию, и пальцы, висящие по бокам, едва заметно шевельнулись.

Тан Жояо быстро пришла в себя, подняла глаза и спросила:

— Сделать это?

Хотя Цинь Инун и не показала этого на лице, она всё равно была шокирована прямолинейностью этого вопроса. Когда она пришла в себя, её уши внезапно стали горячими, и она сдержала желание отвернуться.

Тан Жояо спокойно сказала:

— Разве ты не хочешь, чтобы я поклялась тебе в любви?

Это её иллюзия? Кажется, я только что увидела намёк на уклонение в глазах Цинь Инун?

Цинь Инун не дала ей времени подумать. Она опустила голову и поцеловала её. Танец их губ и языка был испорчен вкусом желания.

Цинь Инун действительно очень хороший финансовый спонсор. Когда они вместе, она нежная, внимательная, щедрая и безупречная.

Тан Жояо лежала на тёплой и мягкой кровати, прислонившись к ней всем своим горячим телом. Только в такие моменты Тан Жояо чувствовала, что Цинь Инун тоже мягкий и тёплый человек.

В СМИ много статей, анализирующих Цинь Инун. В хороших говорится, что она романтична и страстна, в плохих – что она непостоянна. Несмотря ни на что, она никак не может от этого избавиться, она страстный человек. Но Тан Жояо знала, что это не так. Она только выглядела страстной, но на самом деле под пламенем она была окутана холодным айсбергом.

Она страстна, но ещё более безжалостна.

Тан Жояо открыла глаза, и узор на потолке над её головой постепенно исказился, превратившись в неразличимые хаотичные линии.

Комната кружилась в тумане, мир был тёплым и влажным, мои мысли стали прерывистыми, а разум затуманился.

Тан Жояо внезапно прикусила нижнюю губу жемчужными зубами, а её тонкая белая шея изящно изогнулась назад, сдерживая готовый вырваться звук. Цинь Инун прижала большим пальцем губы девушки, которые были искусаны добела, освобождая их от тисков зубов. Он нежно поцеловал её виски, слегка задыхаясь, и прошептала ей на ухо:

— Не терпи... Не терпи...

Затем Тан Жояо повернула голову и уткнулась лицом в подушку, довольно простонав.

...

После того, как Цинь Инун прополоскала рот, она вернулась в постель и легла. Тан Жояо подошла и крепко обняла её, прижавшись лбом к её лбу. Её глаза были расфокусированы, всё ещё в отсветах того, что только что произошло, и она не пришла в себя.

Цинь Инун редко проявляла терпение. Она положила руку на волосы и слегка ошеломилась от прикосновения. Корни её волос были ещё влажными. Она была так взволнована, что даже забыла высушить волосы феном.

Цинь Инун пошевелила пальцами, и Тан Жояо обняла её крепче, не давая ей уйти.

— Что? - Хрипло спросила Тан Жояо.

Именно в это время она каждый раз держала Цинь Инун на руках, как будто она была её собственностью.

— Я пойду принесу фен, - Тихо сказал Цинь Инун.

Она протянула пальцы, чтобы убрать длинные волосы Тан Жояо, закрывавшие ей глаза. Её обычно ясные глаза теперь были похожи на лужицу воды в пруду с персиковыми цветами, что заставило её почувствовать жалость к ней. Взгляд Цинь Инун смягчился, она тихонько вздохнула и посмотрела на потолок над своей головой.

— Нет, - Тан Жояо прямо отказалась.

Возможно, именно нежное обращение сейчас придало ей больше уверенности. Цинь Инун никогда не столкнет её с кровати. Это было всего лишь её худшее предположение. На самом деле, Цинь Инун никогда не выходила из себя по отношению к ней. Может, она и злилась, но она никогда не кричала на неё, не говоря уже о том, чтобы ударить её.

— Ты простудишься, если будешь так спать.

Цинь Инун посмотрела на неё, уголки её губ приподнялись, улыбка была беспомощной и нежной.

— Будь послушной, хорошо?

У неё пара отчётливых чёрно-белых глаз, а её зрачки выглядят как глубокий чёрный нефрит, когда обращены к свету. Однако нефрит, кажется, скрыт в облаках в глубоких горах, всегда окутан облаком, которое делает невозможным ясное видение, яркое и размытое.

Когда она пристально смотрит на кого-то, в её зрачках появляется маленькое отражение другого человека, и туман становится существенным, задерживаясь и задерживаясь, плотно обволакивая, как шёлковая нить, заставляя людей охотно погружаться в её глаза.

Тан Жояо была слегка отвлечена.

— После того, как ты высушь волосы феном, ты...

Тан Жояо помедлила, прежде чем сказать:

— Останешься здесь?

— Хм?

Цинь Инун подняла брови, недоумевая, почему она задала этот вопрос.

Тан Жояо прикусила губу, желая что-то сказать, но остановила себя, и в конце концов промолчала. Она не стала просить Цинь Инун принести фен, а сама села, наклонилась и открыла ящик в изголовье кровати.

Она сидела прямо у изголовья кровати, её длинные волосы были разбросаны по плечам, голова слегка опущена, её лицо было белым, как нефрит, её кожа была белой, как крем. В тусклом и теплом свете комнаты она выглядела прекрасной, как нефрит.

Цинь Инун была ошеломлена без всякой причины.

Тан Жояо подняла веки и нахмурилась:

— Сестра?

— Всё в порядке, - Цинь Инун постепенно подавила удивление в глазах, спокойно включила фен, и её тонкие пять пальцев гибко зарылись в чёрные волосы девушки.

Тан Жояо всё ещё учится в школе, и её длинные волосы никогда не красились, сохраняя свой первоначальный чёрный и блестящий цвет.

Так же, как и она сама, когда она была ещё чистым листом бумаги, Цинь Инун держала её на руках и позволяла ей писать на нём. Слабый аромат волос проник в её нос, и кончики пальцев Цинь Инун внезапно дернулись. Она успокоилась и продолжила дуть.

— Хорошо, - Цинь Инун выключила фен, положила его обратно в ящик, присела, осторожно подняла длинные волосы, упавшие на пол, и бросила их в мусорное ведро.

Тан Жояо залезла под одеяло и оглянулась на Цинь Инун, но не вышла. Она запаниковала и сказала:

— Сестра...

Цинь Инун развязала шнурки халата и направилась в ванную, сказав:

— Я собираюсь ещё раз принять душ. Если хочешь спать, сначала ложись спать.

— Хочешь, я пойду с тобой? - Выпалила Тан Жояо.

Фигура, стоявшая к ней спиной, на мгновение замерла. Цинь Инун обернулась, подняла руки, улыбнулась, вздохнула и сказала:

— Я не стригла ногти. Я обидела тебя один раз, но я не могу обидеть тебя во второй раз.

Цинь Инун была на съёмках за границей и не видела Тан Жояо несколько месяцев, поэтому она забыла об этом. Хотя у неё не было привычки отращивать длинные ногти, она всё же отращивала их немного длиннее, когда дело доходило до практического использования.

Лицо Тан Жояо вспыхнуло, когда она вспомнила, что произошло более десяти минут назад.

Когда они отправились в бой, то обнаружили, что с их оружием возникли проблемы, поэтому они не могли больше ждать и были вынуждены довольствоваться следующим лучшим вариантом.

Тан Жояо долго запиналась, всё его лицо покраснело, и он неопределенно пробормотала:

— Это не огорчение, это... вполне комфортно...

— Это действительно удобно? - Цинь Инун повысила голос с улыбкой на губах.

Тан Жояо ответила еле слышным голосом. Боясь, что она его не услышала, она поджала пальцы ног и застенчиво кивнула.

— Это хорошо.

Цинь Инун вздохнула с облегчением и сказала:

— Я боялась, что у тебя возникнут проблемы со мной.

Тан Жояо поспешно спросила:

— Как я смею иметь какое-либо мнение о тебе...сестра?

— Ты это сказала.

Цинь Инун подмигнула, её лицо было полно персиковых цветов, и улыбнулась:

— У тебя не может быть мнения по другим вещам, но ты можешь иметь мнение по этому вопросу.

После паузы она растянула звук и двусмысленно добавила:

— Мы можем добиться прогресса вместе.

Уши Тан Жояо гудели, а в голове крутились слова «взаимный прогресс». Она не знала, как ответить.

Протрезвев, она включила душ в ванной и посмотрела через стеклянную стену. Цинь Инун стояла перед зеркалом, аккуратно одетая в халат. Она научилась трюкам Тан Жояо.

Тан Жояо: ...

Тан Жояо лениво прислонилась к изголовью кровати, её веки опустились. Она мало спала

прошлой ночью и только что отлично провела время, поэтому была истощена как физически, так и морально. Но она знала, что если уснёт вот так, то упустит единственный момент, когда она может побыть наедине с Цинь Инун перед сном.

Каждый раз, просыпаясь, она прикасалась к месту рядом с собой, и оно всегда было холодным. Сначала она думала, что Цинь Инун встаёт рано, но позже узнала, что она никогда не спала с ней в одной постели.

Цинь Инун похожа на лабиринт, состоящий из бесчисленных головоломок. Каждый путь заполнен влажным белым туманом, который делает людей ошеломлёнными, неспособными видеть сквозь него или угадывать. Она с некоторым сожалением подумала: «Интересно, кому посчастливится получить ключ от этого лабиринта и найти внутри сокровище».

Взгляд Тан Жояо на мгновение стал рассеянным, а мысли унеслись прочь.

За винным столом все смеялись пронзительно. Она была в оцепенении, и каждая клеточка её тела кричала, чтобы вырваться, но она не могла. Она могла только крепко стиснуть зубы, позволяя слабому запаху крови заполнить её рот, и прижимая белые кончики пальцев к ладоням.

Люди за столом разговаривали, но Тан Жояо не слышала ничего из того, что они говорили.

Мужчина рядом с ней позвал её по имени.

Она сильно задрожала, как испуганная птица, затем в панике подняла голову и была ошеломлена парой чернильно-чёрных глаз.

Великолепная стеклянная люстра на потолке ложи ослепляла, а сияющее лицо Цинь Инун затмевало всё великолепие.

Женщина лениво поддерживала подбородок одной рукой, а другой рукой указывала в её сторону, с пальцами, тонкими, как нефритовые луковицы. На её губах была беззаботная улыбка, а тон был лёгким, но она обнаруживала силу, которой нельзя было противиться.

— Я хочу её.

<http://bllate.org/book/14118/1241696>